

УДК 316.472.4

КОНЦЕПЦИЯ СИМУЛЯКРОВ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.Л. Хмылёв

Томский политехнический университет

E-mail: vlh@tpu.ru

Показано, что социальные коммуникации России постепенно приобретают постмодернистские очертания, сохраняя при этом свою специфику, которая выражается в том, что в них управляющая функция знака основана на функциональной, а не имиджевой стороне реальности.

Ключевые слова:

Коммуникации, постмодернизм, политика, идеология.

Социальные коммуникации (СК) представляют собой коммуникативную деятельность людей, «которая обусловлена целым рядом социально значимых оценок конкретных ситуаций, коммуникативных сфер и норм общения, принятых в данном обществе» [1. С. 6]. То есть, содержательная сторона СК тесно связана с культурой общества, его технико-экономической организацией и конкретно-историческими условиями. Исторически сложились как минимум две крупные модели СК – индивидуалистическая и коллективистская, логика и организация которых были прямо противоположными. Прежде всего стороны разошлись в вопросе о практической целесообразности обмана в обществе. В индивидуалистической модели человек постоянно соблазняется обманом, поэтому контроль достоверности информации должен быть всегда. Коллективистская модель допускает выгоду и, соответственно, возможность обмана только в отдельных случаях, поэтому постоянный контроль достоверности коммуникационных сообщений необязателен. Следует отметить, что под разными названиями данные модели существуют и сегодня, но интенсивность протекающих в них процессов несоизмеримо выросла благодаря новейшим информационным технологиям.

Модель СК современного Запада, с одной стороны, предельно индивидуалистична, что объясняется как логикой индивидуализма, проникшей во все сферы общества, так и современными средствами производства и передачи информации, эту логику усилившими, но принципиально не изменившими; с другой, она оперирует знаками, которые отражают не столько функциональную, сколько имиджевую сторону жизни. Распространенное обозначение этой модели – постмодернистская, переключается с названием общества, в котором она существует с момента его возникновения в середине XX в.

Модель СК в нашей стране представляет собой пример коммуникаций переходного типа, в котором сочетаются элементы коллективистской и индивидуалистической (постмодернистской) моделей, пропорции которых обсуждается специалистами. Иными словами, вопрос о том, какие тенденции в развитии российских СК преобладают, образует проблему, вклад в решение которой вносит данная статья. Целью статьи является обоснование

постмодернистской трансформации СК России как главного вектора их развития. Главным признаком процесса является резкое сужение области коммуникационных практик и сокращение числа коммуникативных источников, которые оказывают влияние на поведение человека в современной России.

Социальная реальность после модерна

Современная или «постмодерная» реальность основана на знаковости, что отличает ее от реальности модерна, которая определялась в основном материально-функциональными факторами. Знаковость имеет двухуровневую структуру – небольшое действующее «ядро» и массу бесполезной «шелухи». Рассмотрим данную структуру подробнее.

Экономический и технический прогресс позволяет жителям развитых стран в короткие сроки приобщаться к плодам научно-технической мысли. В итоге функциональная сторона вещей стала столь доступной, что утратила былую ценность. Поэтому увеличилась имиджевая или знаковая составляющая стоимости товара.

Знаковые функции стали выполнять как вещи-знаки, так и полностью неовещественные знаки. Вещь-знак – это материальная вещь-товар, в стоимости которой основную роль играет информация, связывающая владельца вещи с определенной профессиональной группой. Например, наличие у человека современного ноутбука с новейшим лицензионным программным обеспечением говорит о его принадлежности к деловой элите. При этом функциональная сторона вычислительного устройства не так важна, его практические возможности могут использоваться далеко не полностью. Напротив, морально устаревшая вещь указывает на меньшую успешность ее владельца, хотя это правило действует не всегда.

Неовещественный знак – это индикатор более высокого уровня. Им может быть и размер банковского счета, и положение в престижных рейтингах, и частота появления в СМИ. Характерно, что неовещественный знак зачастую не дополняет, а вытесняет вещь-знак. Проявляется это в публичном поведении людей, принадлежащих к верхушке ми-

ровой бизнес-элиты. Они могут пользоваться самыми простыми вещами – проживать в обычных, порой стесненных квартирах, носить потертые джинсы и дырявые носки, ездить на недорогих автомобилях и пр. Объясняется это не в последнюю очередь тем, что материально-предметная, или вещно-знаковая сторона жизни утратила для них всякий смысл, а востребованной осталась единственная неудовлетворенная потребность быть в первых строчках Forbes. Следует отметить, что это обстоятельство – не ирония или курьез, а подлинная доминанта жизни данной категории людей. Так вкратце выглядит «ядро» знаковой структуры.

А что собой представляет «шелуха»? В наиболее общем виде под этим словом скрывается информационная избыточность. Явление это стало одним из наиболее негативных проявлений прогресса информационных технологий последних десятилетий. Наиболее заметными результатами информационной избыточности стали разрушение смыслов и снижение надежности знания.

Информационная избыточность вымывает из коммуникативных сообщений смысл посредством снижения требований к входящей информации. Не нужно доказывать, что современное информационное пространство излишне открыто, практически каждый может добавить в него свою информацию. Например, нынешняя официально несуществующая «модель» Интернет-коммуникаций «Web 2.0» позволяет пользователям всемирной «паутины» вносить в нее информацию без какого-либо профессионального контроля за ее содержанием. В итоге, любительские сообщения стали преобладать над профессиональными, и возможности Интернета сузились до предложения банального иллюстративного контента. Переполненное каналами телевидение также разучилось создавать качественный информационный продукт, так как задача заполнения огромного эфирного времени оказалась важнее необходимости производства интеллектуально емких произведений телевизионного искусства. Таким образом, информация без значения, информация, которая потребляется людьми, не оставляя в их сознании никаких заметных следов, во многом определяет суть современных СК.

Другой стороной информационной избыточности стало снижение надежности любого знания, в том числе и научного. Очевидным, например, стал факт, что при переизбытке профессиональных оценок какой-либо проблемы затрудняется выбор наилучшего ее решения. Так, проведя анализ экспертного обсуждения ряда экономических вопросов, американский исследователь Д. Шанк пришел к выводу о том, что «увеличение объема экспертного знания парадоксальным образом ведет к меньшей ясности» [2. Р. 91]. С этим мнением трудно не согласиться. Другой известный исследователь У. Бек говорил об опасности знания из «вторых рук», значение которого в условиях информационного взрыва непрерывно растет. В будущем, по мнению У. Бека,

речь может идти уже «не об опыте из вторых рук», а о «невозможности получения опыта из вторых рук» [3. Р. 88], благодаря чему общество станет еще более хрупким и потенциально опасным для собственных граждан, в нем произойдет распад традиционных социальных связей, их место займет «хаотическое взаимодействие субъектов жизни, которое неподвластно ни здравому смыслу, ни разумному управлению» [3. Р. 88]. Таким образом, научно-технический прогресс имеет как положительную, так и так и негативную сторону. Эта противоречивость является закономерной – в ее основе принципы второго начала термодинамики И. Ньютона. Соответственно, смягчение отрицательных сторон прогресса является сложной задачей, решение которой возможно через регулирование темпов технологического прогресса, в конечном счете через ограничение его полезных качеств.

Концепция симулякров Ж. Бодрийера как отражение символического облика современной эпохи

Значительный вклад в изучение современных коммуникационных процессов внес французский философ-постмодернист Ж. Бодрийер. Покажем вкратце отношение ученых к его концепции. Последнее до сих пор остается достаточно противоречивым, однако высказываемые оценки зависят не только от исследовательской точки зрения, но и от принадлежности того или иного ученого либо к гуманитарной, либо к естественнонаучной области знания.

Представители гуманитарных наук в целом положительно относятся к взглядам Ж. Бодрийера. В частности, они подчеркивают его вклад в развитие как современной критической теории [4], так и позитивного знания в целом [5]. Критическая аргументация коренится главным образом в сфере естествознания, хотя лишь ею не ограничивается. В основе негативного отношения лежит анализ концепции Ж. Бодрийера с ее же позиций, главной из которых выступает тезис о неподлинности, неестественности современного мира. Один из наиболее последовательных оппонентов Ж. Бодрийера П. Хегарти задает следующим вопросом: «Если наш мир парадоксален и неопределен, то и мысль должна быть такой же?» [6. Р. 8]. Следовательно, если допустить, что дело обстоит именно так, то неуверенными оказываются и сами попытки представить мир неопределенным – ведь если мысль также туманна, как и исследуемый ею объект, то не превращаются ли любые доказательства неопределенности в хаос бессмысленных коннотаций? Нетрудно заметить, что любой ответ на этот вопрос так или иначе расшатывает выводы Ж. Бодрийера.

В своих многочисленных работах Ж. Бодрийер последовательно обосновывал по меньшей мере две принципиальные идеи. Первая переосмысливает принципы классической политэкономии К. Маркса. Напомним, что согласно К. Марксу, стоимость товара должна напрямую зависеть от его потребительских характеристик и возрастать по мере увели-

чения таковых. Ж. Бодрийяр вводит новую схему, согласно которой стоимость товара не связана с потребительскими характеристиками товара и изменяется независимо от них. Это положение приводит к следующему выводу: цена вступает в отношения уже не с товаром, а с его владельцем, функциональность которого отражает и меняется в строгом соответствии с ней. Цена отныне – это субъектная (знаковая), а не объектная (вещественная) величина. Кроме того, меняются методы определения цены – они становятся менее точными.

Вторая идея Ж. Бодрийяра устраняет косвенную и вводит прямую связь между знаками. Происходит это посредством деления информационного пространства на две категории – имитационную (понятийную) и управляющую (цифровую).

Деконструкция понятий обусловлена их двойной ролью. С одной стороны, это пустые, бессмысленные знаки, которые переполняют сферу художественных искусств, политики и других областей. «Если когда-то, особенно в период Нового времени, – отмечал Ж. Бодрийяр, – люди еще верили, что знаки репрезентируют нечто, то сегодня каждый в западном обществе понимает, что знаки только симулируют и ничего больше. Мы производим в изобилии образы, которые не передают никакого смысла. Большинство образов сегодня, которые доносят до нас телевидение, живопись, пластические искусства, аудиовизуальные или синтетические образы – все они не значат ничего» [7. Р. 17].

Другую роль понятие играет тогда, когда выражает искаженный, неверный смысл. В этом случае оно – вредная помеха, воспринимаемая людьми в качестве таковой. Примером является публичная политика. Политическое на Западе, пишет Ж. Бодрийяр, «уже давно превратилось всего лишь в спектакль, который разыгрывается перед обывателем. Спектакль, воспринимаемый как полуспортивный-полуигровой дивертисмент (вспомним выдвижение кандидатов в президенты и вице-президенты в Соединенных Штатах или вечерние предвыборные дебаты на радио и телевидении), в духе завораживающей и одновременно насмешливой старой комедии нравов. Предвыборное действо и телеигры – это в сознании людей уже в течение длительного времени одно и то же. Народ, ссылки на интересы которого были всегда лишь оправданием очередного политического спектакля и которому позволяли участвовать в данном представлении исключительно в качестве статиста, берёт реванш – он становится зрителем спектакля театрального, представляющего уже политическую сцену и её актёров» [8].

Цифра – уникальный знак, который находится в двух противоположных состояниях: он либо предельно абстрактен, либо предельно конкретен. В отличие от слова, у цифры нет третьего состояния, а равно и соответствующей функции. Абстрактность связывает цифру с любым объектом, конкретность – с любой из его характеристик. Так ци-

фра становится языком вещей, языком описательным, но не объясняющим. Цифра прочно связывает человека с наличной реальностью, не мешая и не помогая ему при этом осознавать ее. Она лишь подталкивает его к прямому ответу, формируя «формульное», жестко детерминированное мышление, на котором, собственно, и построена постмодернистская модель СК. Цифрами в ней описаны имиджевые показатели жизни – подлинные и при этом полностью автономные доминанты поведения современных людей в развитых странах.

Эти идеи Ж. Бодрийяр высказывал на протяжении многих лет. Например, мысль о том, что «освободившись от самого рынка, они (художественные знаки – В.Х.) превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам на себя» [9. С. 76], активно разрабатывалась философом еще в 1970-е гг. А в начале 1980-х гг. Ж. Бодрийяр пришел к заключению, что имиджевые знаки полностью подчинили общество, возвестив о начале «новой эры симуляции, в которой организация общества основывается на симуляции, кодах и моделях, которые заменили собой производство в качестве организующего принципа общества» [10. Р. 64]. Отметим, что своими рассуждениями Ж. Бодрийяр никогда не пытался примитивизировать западное общество и его граждан, а равно и изобразить его информационную составляющую в качестве мертвого механизма. Напротив, по мысли Ж. Бодрийяра, нынешнее состояние западного общества – результат длительного самосовершенствования, а модель СК – итог правильного понимания работы механизмов мотивационно-смысленного механизма. нную составляющую в качестве я ательный, еобадающими, работы механизмов активации, определяющих поведение человека, в том числе наделенного большими деньгами и властью.

Российская действительность в эпоху постмодерна

Модель социальных коммуникаций современной России отчасти продолжает, отчасти расходится с западной, свидетельствуя о своем переходном состоянии. Ее сходство с западной моделью проявляется в структурной организации знаков, в наличии компактного «ядра», которое определяет поведение людей, и огромных массивов бессмысленной информации. Отличие состоит в том, что имиджевая составляющая жизни у нас пока уступает функциональной. Иллюстрацией этого является новое значение понятий политики и денег.

Если посмотреть на изменение публичного образа понятия политики холистически, то очевидно следующее: происходит его формирование как самостоятельного явления, имеющего свое предметное поле и границы, усиливается детализация входящих в него смыслов. Кроме того, наблюдается смена понятий, с которыми «политика» входит в непосредственное взаимодействие. Если в совет-

скую и в начале постсоветской эпохи оно было связано с понятием семьи и во многом им определялось, то сегодня принципиальным стал синтез понятий политики и экономики.

Большинство ныне живущих россиян воспринимают политику как обособленное, существующее самостоятельно и по своим четким правилам, инверсивное, мимикрирующее в каналах массовых коммуникаций явление. Важным для общества стал вывод о том, что человек, оказавшийся в силовом поле власти или отношений вокруг нее, подчиняется закону политического самосохранения, вместо того чтобы действовать в соответствии со своими убеждениями или, более того, публичными обещаниями. Субъект политики в действительности оказывается ее объектом, через который политика проникает и управляет всем обществом в целом. Распространенная метафора о том, что «политика занимается человеком» как нельзя точно соответствует современному контексту. Чтобы лучше представить произошедшие изменения, необходимо вернуться в недавнее прошлое.

В 80-е гг. XX в. российское массовое сознание воспринимало политику как простую линейную систему, действующую по логике обыденной жизни. Важное значение имело деление субъектов политики на «плохих» и «хороших», «своих» и «чужих». Соответственно разным было и отношение к ним: «своим» — доверие и поддержка, «чужим» — отпор. Понятие политического интереса как определяющего и интегрирующего фактора политической жизни в это время не существовало. Закон как естественное и непреложное состояние человеческого общества во всех его проявлениях отвергался, что оборачивалось не только политической потестарностью, но и пресловутым правовым нигилизмом.

Политические темы занимали центральное место в СМИ, которые целиком принадлежали государству. Народ воспринимал себя неразрывно с государством, делился с ним последним, рассчитывая на ответное бескорыстие и гарантию благополучного будущего. Следует отметить, что советская картина политического мира, известная как патерналистская, из 1980-х успешно переключалась в 1990-е гг., несмотря на крах официального социализма и распад СССР.

«Демократы» успешно зарабатывали политический капитал дистанцированием от прошлого, на которое возлагалась ответственность за трудности настоящего, и безапелляционной декларацией будущего, успех которого целиком зависел от последовательности проведения «непопулярных» реформ. Россияне активно интересовались причинами экономических трудностей и путями выхода из него, не подозревая о том, что ответы на эти вопросы, даваемые СМИ, не содержат собственно самих ответов, а являются попытками влияния на поведение людей в необходимом для них направлении. Влияние СМИ на общественно-политическую жизнь, названное «медиакратией», указывало на то, что политико-экономический язык восприни-

мался людьми как связанный с определенной реальностью, что квалифицировало тип знаково-символического пространства российского общества 90-х гг. XX в. как модерный.

Неуспех реформ на рубеже XX—XXI вв. способствовал переходу к постмодерной знаково-символической конфигурации. Устойчивое снижение интереса людей к публичной стороне политической жизни вообще и к ее риторике в частности стали важными признаками этой тенденции. А перемещение в начале нынешнего века публичного дискурса авторитарного перерождения государства в тень эффективной экономической политики властей свидетельствовало о радикальной смене модели социально-политических коммуникаций. Утвердилась и новая модель электорального поведения — при улучшении экономических показателей многие избиратели стали игнорировать выборы, поддерживая таким образом власть, при ухудшении данных показателей — голосовали в поддержку представителей оппозиции.

Выраженная в символической форме финансово-экономическая динамика превратилась в определяющий политический фактор под влиянием в том числе и нового значения понятия денег. Последнее включила в себя, во-первых, возросшую роль денег как инструмента экономического обмена, а во-вторых, превращение денег из стратегического ориентира в частную задачу.

В советский период роль денег в качестве инструмента экономического обмена ограничивалась таким экономическим ресурсом, как время. Человек редко приобретал основную недвижимость — ею его обеспечивало бесплатно государство в порядке очереди. Вопрос улучшения жилищных условий был, по большому счету, делом времени. Приобретение легкового автомобиля зависело одновременно и от денег, и от времени (потраченного на преодоление очереди). Из области медицины и образования деньги были практически исключены — то и другое было бесплатным и некоммерческим.

В постсоветскую эпоху деньги вторглись практически во все сферы жизни, их роль стала даже чрезмерной (проблема коррупции). Медицина и образование, недвижимость и товары повседневного спроса радикально монетаризировались. Жизнь без достаточного количества денег стала не только некомфортной, но и небезопасной. Поэтому деньги стали цениться как фактор повседневности, а не будущего. Можно сказать, что из цели общественной жизни, коей они являлись в советский период, деньги превратились в тактическую задачу, которая существует только в настоящем.

Таким образом, российская модель социальных коммуникаций может быть признана идентичной западной в части структуры и основных функций. Однако экономическое отставание России от Запада делает неактуальным имиджевую составляющую бытия, которая в развитых странах является определяющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конечкая В.П. Социология коммуникации. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
2. Shank D. Data smog. – N.Y.: Harper Collins, 1997. – 287 p.
3. Beck U., Lau C. Second modernity as a research agenda: theoretical and empirical exploration in the «meta-change» of modern society // *British Journal of Sociology*. – 2005. – V. 56. – № 4. – P. 83–90.
4. Norman B. Macintosh From rationality to hyper reality: paradigm poker // *International Review of Financial Analysis*. – 2003. – V. 12. – № 4. – P. 450–456.
5. Фурс В. Контуры современной критической теории. – Минск: Изд-во ЕГУ, 2002. – 196 с.
6. Hegarty P. Jean Baudrillard. (Live Theory). – L.: Continuum, 2004. – 176 p.
7. Baudrillard J. Seduction. Translated by Brian Singer. – N.Y.: St Martin's Press, 1990. – 278 p.
8. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального // [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://fanlib.ru/BookInfo.aspx?Id=4b1c7102-f299-43cf-9bea-622e634d96df>. – 01.06.2009.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 264 с.
10. Baudrillard J. Simulacra and simulation. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 312 p.

Поступила 01.06.2009 г.

УДК 327:316.472

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Л. Хмылёв

Томский политехнический университет

E-mail: vlh@tpu.ru

Исследована роль технологического аспекта социальных коммуникаций в современных международных отношениях. Показано, что информационные технологии, устранив барьеры коммуникаций, как во внутренней, так и международной жизни, сдвинули внешнюю политику крупных государств более сдержанной и ответственной.

Ключевые слова:

Социальные коммуникации, международные отношения, внешняя политика.

Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале XX в. Сегодня он приобрел, по крайней мере, три интерпретации – 1) средство связи любых объектов материального и духовного мира; 2) общение – передача информации от человека к человеку; 3) передача и обмен информацией в обществе с целью воздействия на него [1. С. 7]. Данная статья, учитывая технический аспект коммуникаций, обосновывает наличие мощного и весьма разностороннего влияния информационных технологий на международные отношения начала XXI в. Важнейшим его проявлением является перестройка инструментальной базы внешней политики крупнейших государств, заключающаяся в постепенном переходе от силовых к дипломатическим и экономическим методам ведения дел на мировой арене.

Научно-техническая революция дала правительствам эффективные средства производства, хранения, тиражирования и передачи информации, укрепив тем самым их позиции на мировой арене. Однако аналогичные возможности получи-

ли и неправительственные субъекты. В результате положение тех и других выровнялось, и глобальное информационное пространство стало прозрачным. «Информационная революция, – справедливо отметил российский исследователь Д. Балувев, – существенно снизила, если не полностью устранила способность правительств контролировать информацию, получаемую населением» [2].

Информационная прозрачность ограничила государственное насилие, смягчила остроту противоречий между странами, усилила роль демократических институтов и независимого общественного мнения в мировых делах. В то же время новые информационные технологии открыли дополнительные возможности для криминальной, в том числе и террористической деятельности в международных масштабах.

Эпицентром информационной жизни стал мировой Интернет, который предоставил населению практически неограниченный доступ не только к политико-экономической информации, но и к тем данным, которые защищены авторским правом и